
ДМИТРИЕВ И ОСВОЕНИЕ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

С. Дикинсон*

На мой взгляд, современники И. И. Дмитриева ощущали особенно тесную связь между его личностью, его творчеством и русской географией. Восприятие такой связи исходило в основном от самих дмитриевских сочинений, где литературное вдохновение особенно ярко оказывается обусловленным специфическими географическими контекстами. Данная статья является только вступлением к этой теме. Здесь мы постараемся рассмотреть, как опыт путешествия укрепил в Дмитриеве связь с русской географией, различные аспекты его «дорожных» опытов – в путешествовании и в описании путешествovanja.

Дмитриев резко противопоставляет идею русского пространства идее пространства заграничного, что было характерно для образованных дворян его эпохи. Но, если не считать две поездки в шведскую Финляндию во время военных походов, сам он не путешествовал вне России. Естественно, что он, как и дети других провинциальных помещиков, много *ездил*: туда и обратно в отстоявшую на двадцать пять верст от родового поместья Сызрань, например, или в Казань, или в Симбирск – на учебу в пансион или по другим надобностям. Во время Пугачевщины, как известно, молодой Дмитриев вынужден был уехать в Москву, позже поехал на службу в Петербург и в своей жизни часто ездил между двумя столицами, несколько раз возвращаясь в Поволжье на отпуск. Все эти поездки были для него самыми обычными и бытовыми, они не являлись настоящими «путешествиями», то есть не были поездками досужими или туристическими.

Тем не менее Дмитриев чувствовал некую важность и в таких бытовых передвижениях и с детства ожидал от них какого-то воодушевления.

---

* Автор благодарит за предварительное прочтение текста статьи Владимира Зинина, Ирину Пронину и Андрея Костина.

В начале воспоминаний он пишет: «Однажды, ехав из деревни в Симбирск, я сидел в коляске с моим братом; он молчал, и я тоже, окидывая между тем глазами с обеих сторон поля, дубравы и селения; вдруг пришло мне на мысль: отчего я так долго молчу, и ни о чем не рассуждаю? Помню из книг, что молодой Маркиз дорогою рассуждал в коляске с своим наставником; Барон *Пельниц* с своим сыном, и *Дон Фигеоразо*, или *Уединенный Гишпанец*, также с своими детьми: от чего же никакие предметы, никакой случай не возбуждает во мне размышлений? Конечно оттого, думал я, что они были умнее. При этом замечании мне стало грустно»¹.

Этот отрывок интересен с разных точек зрения. С одной стороны, окружающие предметы («поля, дубравы и селения») возбуждают не вдохновение, а, скорее, «беспокойство вдохновения» – негативное ощущение настолько сильное, что отчетливо вспоминается через 55 лет, когда Дмитриев сел за стол и начал писать свои записки. С другой стороны, рассказанный момент помнится не только в литературных пределах, но и в конкретном физическом контексте: молодой Дмитриев смотрит на пространство вокруг себя, и оно само по себе волнует его заложенным в себе побуждением к творчеству, «рассуждениям» – по сути, не здесь ли мы видим (заданное в таком случае поволжской природой) зарождение писательской страсти будущего поэта?

Можно заметить и то, что все книги, представляющие у Дмитриева набором детского чтения и задающие модель поведения, – иностранные, то есть столь памятные для Дмитриева «размышления» происходят в них при передвижении по Франции или в каком-либо ином европейском пейзаже. Однако в 60–70-х годах XVIII века возвышенное вдохновение, которое искал молодой Дмитриев, по-видимому, не так часто возникает от бытового передвижения в пределах России, и тем более в провинциальном Поволжье.

Возможность словесного описания русского пространства становится особенно важной в конце XVIII века, когда совпадает (в России, как и в Европе) со стремлением к «национальному сознанию» и с развитием романтической эстетики. Русские путешественники начинают напряженно искать способы представить собственную культуру в терминах, вполне сформировавшихся в западно-европейских рассуждениях, как определенную и национально-специфическую данность. Появляется ощущение, что было бы хорошо описывать в своих путешествиях возвышенные поэтические пейзажи с высокими горами, громадными

---

¹ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866. С. 16 (подчеркнуто в оригинале). В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

водопадами и т. п.; и пока путешествие проходило, например, в Швейцарии, такое видение было им вполне доступно. Но к концу века, когда русские начали путешествовать как туристы и *внутри* России, оказалось, что русский ландшафт зачастую не представлял подобных *готовых* красот природы. Творчество Дмитриева, как мне кажется, предлагает один из самых ранних вариантов решения этой проблемы в русской традиции, и в этом отношении было быстро подхвачено его современниками.

Вообще, процесс оценки домашнего пространства близко связан с развитием путешествия «внутреннего», по России, практика которого стала более популярной в связи с культивируемой в сентиментальной культуре особой восприимчивостью². Подчеркиваемая в сентиментальных текстах склонность автора к домашнему быту, к тихим радостям и к обществу близких друзей встречается и на первых страницах дмитриевских записок. Ему очень нравятся, например, «прогулки пешком <...>, по загородным полям, <...> или сидеть за книгою» (с. IX). Такого рода личные пристрастия способствовали стремлению к внутренним путешествиям, поскольку в них подчеркивались (и вообще, и для Дмитриева лично) самые интимные и домашние аспекты путешествия.

Что означало заграничное путешествие для Дмитриева? Как и другие современники, он воспринимает досужий заграничный вояж в объеме «гран тур» как важный жизненный этап. В 1799 году он пишет неизвестному приятелю, собирающемуся ехать по Европе: «...какая приятная для вас дорога! сколько предметов для любопытства, сколько случаев к большему познанию человека, и в таких молодых летах!»³ Дмитриев, которому было в то время уже под сорок, резко противопоставляет вояж знакомого собственному жизненному опыту: приятель будет путешествовать «между тем, как я, бедный, лучшую часть жизни провел на маленьком театре почти в недействии, почти не чувствуя живых удовольствий, и не имею в виду ничего, кроме скучной старости, сопряженной с заботами»⁴.

Может быть, ощущение грусти о неосуществленных путешествиях обостряется снова в связи с проектом приятеля, Василия Львовича Пушкина, отправиться в Европу в 1803 году, но в этом случае Дмитриев сумел

---

² В своем понимании процесса оценки русского пространства я исхожу из анализа этого явления в более поздний период: *Ely C. D. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb, Illinois, 2002.

³ Дмитриев И. И. [Письма] / Публ. В. Э. Вацура // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 417.

⁴ Там же.

преобразить грусть в юмор. Это проявилось в создании шуточного дружеского описания путешествия Пушкина «за три дня до его отъезда»⁵. Здесь подчеркивается свойственное Пушкину уже до отъезда восхищение Европой, словами Г. П. Макогоненко, его «детски наивная восторженность»⁶. «Друзья! Сестрицы! – восклицает стихотворный Василий Пушкин. – Я в Париже! Я начал жить, а не дышать!»⁷ Заметим, что энтузиазм к европейским достопримечательностям и модам не повреждает сердечную привязанность Пушкина к России. Дмитриевская пародия кончается примирительным взглядом героя назад: «А родина... всё нам мила!»⁸

Возможно, что неумолкающее чувство грусти о неосуществленной заграничной поездке проявляется и в дмитриевском стихотворном переводе басни Флориана «Le voyage», озаглавленном «Путешествие» и написанном в том же 1803 году. Естественно, этот переводной текст принадлежит другому роду литературных сочинений и предлагает не традиционное путешествие, а метафорическое продвижение по дороге жизни⁹. Мне кажется, однако, что текст Дмитриева отличается от французского оригинала, как и от многих других обработок этого мотива, своей конкретностью, подробностями, заставляя думать не об аллегорической поездке, а о действительной¹⁰. Стихотворение начинается с ряда образов, которые развивают идею неудобства и неприятности длительной поездки. Оно предлагает, иными словами, целый список причин остаться дома. Только в последней строчке мы открываем, что образ дома не относится к делу и что досужее, будничное путешествие здесь ни при чем: путь ведет не к какой-либо дальней точке физического пространства, отличной от привычного окружения, но к смерти. «Путешественник», равно как любой живой человек, «льстит себя дальними мечтами» во время своего путешествия, а в конце умирает. Острота стихотворения исходит из нашего понимания «путешествия» со свой-

---

⁵ Дмитриев И. И. Путешествие *N. N.* в Париж и Лондон // В. Л. Пушкин. Опасный сосед. М., 1918. С. 27–39. Оригинал был опубликован под названием «Путешествие *N. N.* в Париж и Лондон. Писанное за три дни до путешествия» (М., 1803).

⁶ Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин»: Поэзия Ивана Дмитриева // И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 68.

⁷ Дмитриев И. И. Путешествие *N. N.* в Париж ... С. 33.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Благодарю С. И. Николаева за его замечания по этому поводу. Можно заметить и общую привлекательность путевых метафор для Дмитриева, часто во «Взгляде...» представляющего свое интеллектуальное, моральное и художественное развитие как путь.

¹⁰ В этом отношении «Путешествие...» Дмитриева отличается, например, от более абстрактного «Путешественника» Жуковского (1809).

ственным ему контрастом между «здесь» и «там», между действительностью домашней и заманчивыми, соблазнительными перспективами иных мест:

Начать до света путь и ощупью идти,
На каждом шаге спотыкаться;
К полдням уж за треть дороги перебраться,
Тут с бурей и грозой бороться на пути,
Но лстить себя вдали какою-то мечтою;
Опомнись, под вечер вздохнуть,
Искать пристанища к покою,
Найти его, прилечь и наконец уснуть...
Читатели! загадки в моде;
Хотите ль ключ к моей иметь?
Всё это значит в переводе:
Родиться, жить и умереть¹¹.

Вернемся к дмитриевской концепции действительного путешествия. Как отмечается во «Взгляде...», во время Шведской войны в конце 80-х годов Дмитриев дважды побывал в Финляндии. Хотя он был там не совсем за границей, а, скорее, на границе, все равно его явно воодушевляет необычный контекст: незнакомый край производит в нем некий литературный импульс, что чувствуется в живости изложения. В 1788 году он пишет в воспоминаниях: «...прожил четыре месяца в палатке или в переходах с места на место, под шумом песен и барабанов» (с. 49–50). Указание на то, что «шум песен и барабанов» оказывается *фоном* жизни в Финляндии, может служить намеком на то, что ситуация эта задним числом (с оглядкой на «Певца во стане русских воинов» Жуковского (1812) или на военные путешествия Батюшкова или Федора Глинки¹²) воспринимается Дмитриевым именно как жизнь поэта-воина среди экзотичной природы, побуждающей к творчеству. Очень показательно, что скалы Финляндии Дмитриев описывает в стилистическом отношении так же, как Шотландию Оссиана, фрагмен-

---

¹¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 139.

¹² То есть «Письма русского офицера в Финляндии» К. Н. Батюшкова (1810) и «Записки русского офицера» Ф. Н. Глинки (1808–1816). Как свидетельствуют его письма, Дмитриев был очень расположен к работе обоих (см. в кн.: Письма русских писателей XVIII века ... С. 419–421). Об этих путешествиях, как и других, упоминаемых в этой статье, см. в кн.: Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam, 2006.

ты из «Геморы» которого Дмитриев и его брат переводили в 1788 году¹³: «Новая жизнь, новая даже природа, дикая, но Оссияновская, везде величаяя и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны, не могли мне накоротке наскучить»¹⁴ (с. 50).

В той же Финляндии Дмитриев открывает и тихий мир приятного и уединенного времяпрепровождения, а также подходящий тон, который становится характерным в его описании последующих путешествий. Как он объясняет, «сердце, еще не развращенное, повсюду найдет для себя кроткие наслаждения. <...> Как я был обрадован, увидя однажды голубой цветочек между голых и огромных камней! С каким удовольствием проваживал я поздние вечера и первые часы утра в низменной хижине под соломенной кровлею!» (С. 50.) Эта тесная хижина – штаб-квартира дмитриевских литературных работ, в то время еще ограничивавшихся переводами. За образец блестящего совмещения писательской деятельности с военными обязанностями Дмитриев брал, возможно, Державина, о книге которого¹⁵ он пишет в воспоминаниях: «Это было, как я после узнал, плоды кратких досугов его в военном стану, посреди уфимских степей» (с. 52). Вообще, Дмитриев считает стихосложение работой досужего времени, несколько раз подчеркивая, что не может «стихотворствовать», когда озабочен службой, и придавая особое значение тому, что относился к поэзии как любитель, а не как профессионал; подчеркивая, что тогда поэтам не платили, как сегодня платят Пушкину (с. 34), и «при малейшем упорстве рифм, при малейшем затруднении <...> я бросал перо <оттого, что> мне казалось унижительным ломать голову над парюю стихов» (с. 91–92).

Во время второй шведской кампании Дмитриев едет в Финляндию уже не как военный, а «для свидания с старшим братом» (с. 53), то есть почти как досужий турист. Сочетание досуга и путешествия, хотя и пограничного, рождает в нем желание писать путевые заметки. К сожалению, текст заметок не сохранился, но интересно, что этот опыт Дмитриева в путевых записках был не совсем «прозаический», как можно было бы ожидать от его жанра, но местами переходил к поэзии и даже особо – к жи-

---

¹³ См.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 24–25, 56–57.

¹⁴ В 1794 году также с оглядкой на Оссиана финский пейзаж был описан А. П. Хвостовой в отрывке «Камин»; отсылки к Оссиану при описании природы Финляндии находятся и в «Письмах русского офицера в Финляндии» Батюшкова.

¹⁵ Имеется в виду книга «Оды» (1776).

вописным ее видам: «В продолжении дороги и на месте я вел поденную записку; описывая в ней между прочим красивое местоположение, употребил я обращение в стихах к Державину, и назвал его единственным у нас живописцем природы» (с. 53).

Путешествие Дмитриева – и особенно внутреннее путешествие – ассоциируется с поэзией, что видно из описания во «Взгляде...» долгого отпуска в Сызрани в 1794 году. Дмитриев на Волге, как и в Финляндии, подчеркивает приятность домашнего очага и кротких развлечений, вспоминая, например, что «провел <этот год> посреди моего семейства, в приволжском городке Сызране, или в странствовании по Низовому краю. Здоров, независим, обеспечен во всех моих неприхотливых нуждах, я не скушал отсутствием шумных забав и докучливых, холодных посещений. Для меня достаточно было одной моей семьи <...>» (с. 70). Именно обстоятельства, охарактеризованные таким образом, побуждают Дмитриева сосредоточиться на творчестве. Подводя итоги, он называет 1794 год «моим лучшим пиитическим годом» (с. 70).

Интересно, что, рассказывая во «Взгляде...» об этом времени, Дмитриев решает описать Сызрань глазами путешественника. С этим городком мы уже встречались несколько раз в воспоминаниях, но здесь Дмитриев впервые дает его изображение, как будто предлагая нам традиционные путевые записки, хотя бы размером в абзац. Как принято в жанре путешествия, он комментирует строение и местоположение Сызрани, даже осознавая некоторые недостатки провинциального городка (разумеется, в соответствии с более «европейскими» идеалами): «Сызрань выстроен был худо, но красив по своему местоположению. Он лежит при заливе Волги и разделяется рекою Крымзою, которая в первых днях мая бывает в большом разливе» (с. 70). Такой информационный компонент типичен для путевых записок той эпохи. Есть на сызранских страницах «Взгляда...» и этнографический компонент, ожидаемый от описания Поволжья (как и других далеких районов империи, чаще становившихся объектом научных путешествий, чем художественного взгляда). Однако вместо изображения поведения и обычаев местных народностей Дмитриев предлагает описание обычаев сызранского купечества: «Каждое воскресенье, в хорошую погоду, видел я <Волгу> из моих окон покрытою лодками: зажиточные купцы с семейством и друзьями катались в них взад и вперед, под веселым напевом бурлацких песен. На дочерях и женах веяли белые кисейные фаты или покрывала, сверкал жемчуг, сияли золотые повязки, кокошники и парчовые телогреи. Прогулка их оканчивалась иногда заливом Волги. Там они бывало тянут тоню, и сами себе готовят на мураве уху из живой рыбы» (с. 70). Бе-

рег Волги был «и моим любимым гульбищем», пишет Дмитриев, где он «везде наслаждался живописными видами» и писал стихи (с. 70–71).

Можно спросить, почему Дмитриев говорит о Сызрани как о туристической достопримечательности именно в третьей книге своих воспоминаний? Ведь до этого момента ни Сызрань, ни другие города не удостоиваются подобного подхода. Ответ, мне кажется, лежит в том, что у Дмитриева именно к 1794 году созревает художественное самосознание, а также уверенность в своих творческих силах, в результате чего он все чаще смотрит на окружающий мир, опираясь на осознанную способность быть не объектом окружающей природы, но субъектом, ее описывающим. Из воспоминаний видно, что Дмитриев достиг важного этапа в своем поэтическом развитии непосредственно перед отъездом в Сызрань. Собственно, история его художественного становления оказывается неким предисловием к описанию самого отпуска.

Перед отъездом Дмитриев создает первые произведения, служившие для него предметом литературной гордости. Видно (и подчеркивается), что в процессе его художественного развития сыграли значительную роль и Державин, и Карамзин. Дмитриев служил в Петербурге, когда возвратился из-за границы его друг Карамзин, которого он сразу же познакомил с Державиным. Карамзин затем уехал в Москву, где начал публиковать свой «Московский журнал». В его публикации участвовал и Дмитриев, стихи которого «приобрели мне некоторую известность в обеих столицах». Так начинается новый период его жизни: «С той поры и в обществе Державина уже я перестал быть авскультаном <просто слушателем> и вступил, так сказать, в собратство с его членами» (с. 69–70). В это же время Дмитриев начинает успешно писать басни. Вся эта история поэтического становления во «Взгляде...» непосредственно предшествует описанию путешествия 1794 года, «самого пиитического».

Хотя путешествие 1794 года не было первым возвращением домой, в этот раз Дмитриев впервые встречается с родным краем, чувствуя себя настоящим поэтом. Он приезжает в Сызрань уже как успешный петербургский писатель; литературные успехи позволяют ему увидеть и показать красоту и значимость поволжской местности, важной лично для него. Заметим, что описание годичного отпуска занимает несоразмерно большой фрагмент воспоминаний относительно скромного и сдержанного Дмитриева: в первой части «Взгляда...», занятой описанием детства, службы, художественного становления и различных литераторов той эпохи, встреченных им за 34 первых года своей жизни, 6 страниц из 83 (по изданию 1866 года приблизительно 7 %) посвящены этому единственному, особенному году.

В то же время кажется, что дружеские связи и с Карамзиным, и с Державиным способствовали развитию у поэта лирического ощущения русского пространства. Судя по воспоминаниям, Дмитриев пишет больше и лучше «вдвоем», то есть в дружеском кругу и с дружеской поддержкой. Мне кажется, что участие этих друзей так сильно воспринимается Дмитриевым еще и потому, что они сами были такими же поволжскими провинциалами, как и он. Напомним, что Державин вырос в Казани, а Карамзин был уроженцем Симбирска; Карамзин был Дмитриеву также и родственником – по местным поволжским связям. Немудрено тогда, что, гуляя и сочиняя стихи в Сызрани, Дмитриев часто думает о том, как их послать Карамзину и как тот на них отреагирует¹⁶. Карамзин стал первым читателем многих волжских стихотворений, включая «К Волге» и «Ермака»; наверное, он служил Дмитриеву и моделью путешественника: безусловно, поэт знал о заграничном опыте Карамзина и по его тексту, и с его слов. Державину он послал «Глас Патриота». Одним словом, образ друзей давал Дмитриеву возможность воспринимать провинциальную Сызрань как город достопримечательный и, что еще важнее, позволил использовать свой год на Волге исключительно продуктивно.

В том же 1794 году Дмитриев предпринял поездку «по величавой Волге» из Сызрани в Царицын, а потом еще одну – в Астрахань сухим путем. Эти путешествия, встреча с разнообразием культуры Российской империи имели важное значение для развития Дмитриевской художественной индивидуальности. Можно согласиться с Г. П. Макогоненко, утверждающим, что «Глас Патриота» определяет важный момент в развитии художественных представлений о России, так как «главный предмет <Дмитриевского> искреннего восхищения – могучая многонациональная Россия <...> <Этот> художественный образ <...> запомнился русским поэтам», в том числе Батюшкову и Пушкину¹⁷. Расширяющееся осознание изобилия и экзотичности российской культуры видно и в описаниях поволжских путешествий в тексте «Взгляда...». Если поначалу с речного судна виден лишь намек на мультиэтничность: «...здесь татарская мечеть, там церковь или кирка среди больших селений» (с. 72), то по дороге в Астрахань совершается переход к экзотике, перед читателем предстает что-то вроде заграничного путешествия, хотя и в пределах России. Смотря на немецкие поселения и калмыцкие кочевья, Дмитриев замечает, что «иногда думаешь быть вне России: ибо

---

¹⁶ После их чтения в семье «наступает новое удовольствие: переписывать стихи мои набело для отсылки к Карамзину. С каким нетерпением ожидал от него отзыва!» (Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 71.)

¹⁷ Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» ... С. 47.

видишь других людей, другие обычаи, даже других животных» (с. 72–73). Наконец, сгущение экзотизма в самой Астрахани вызывает пространное описание: там, в пестром обществе бухарцев, хивинцев, калмыков, армян и индийцев, «можно прожить недели две не скучно. <...> В одном городе видишь разные обычаи, гостиные двory трех народов, свободное отправление службы трех вероисповеданий: христианского, магометанского, идолопоклоннического. Монах сталкивается с факиром; лама приятно разговаривает с муллою, лютеранин с католиком» (с. 73).

По выводам, сделанным мною в другой работе¹⁸, предполагаю, что личное знакомство Дмитриева с разнообразной культурой империи способствовало возможности воспринимать саму Россию как предмет личной гордости. Под «знакомством» здесь понимается не детское знание Поволжья, а осознание территории, ставшее для него доступным только позже, когда он стал опытным путешественником и зрелым поэтом. Новая встреча с южно-восточным пределом европейской России укрепила в нем на опыте идею обширного российского пространства, включающего в себя кроме двух столиц Сызрань, Симбирск, Казань, Астрахань, откуда в творческом сознании более актуальной стала для Дмитриева и Сибирь Ермака.

В конце описания Астрахани Дмитриев замечает, что «поэту не бесполезно путешествовать» (с. 73), неожиданно и нехарактерно отзываясь о себе как о поэте. Обычно в своих воспоминаниях Дмитриев предпочитает «стихи» слову «поэзия» и упоминает свою литературную деятельность как «рифмование» или «опыты в рифмовании», добавляя в одном месте: «...мне совестно сказать <опыты> в поэзии» (с. 32)¹⁹. Не случайно поэтому, что само риторичное слово «поэт» (в отношении к себе) появится в дмитриевских сочинениях именно в контексте путешествия в родную Сызрань и по ее окрестностям. Так решается проблема из ранних страниц записок, где будущий поэт расстраивался оттого, что путешествие не внушало ему мыслей. После описания Астрахани Дмитриев пишет с чувством о лирическом воздействии на него восхода и захода солнца, «безмолвной величественной ночи» и «благоговения к Непостижимому» и заключает: «...будучи одинок, никем не развлечен, наблюдатель и нравственного и физического мира, <поэт> входит сам в себя, с большею живостью принимает всякое впечатление. <...> Самое над ним пространство недостижимое и беспредельное, возвышает в нем душу, расширяет сферу его воображения»

¹⁸ Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia...

¹⁹ Во «Взгляде...» можно найти немало таких примеров – в конце первой части, например, Дмитриев утверждает: «...часто приходило мне даже на мысль, что я и совсем не поэт» (Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 92).

(с. 74). Таким образом, художественная индивидуальность Дмитриева утверждается не только на фоне его литературных успехов, но и в соответствии с его опытом во внутреннем путешествии (в Сызрань и дальше) и вместе с его концепцией русского пространства.

Стоит заметить в заключение, что Дмитриев, по-видимому, сыграл особенную роль в сотворении некоторой «пан-идеи» русского пространства, очень важной для будущей русской литературы. Как известно, он непосредственно повлиял на Пушкина, Батюшкова, Жуковского и других писателей первой трети XIX века как поэт, как мемуарист и как личность, олицетворяющая предыдущую литературную традицию. Но современники воспринимали Дмитриева и как писателя, неразрывно связанного с русской географией: он был и певцом, и «воодушевителем» определенных мест, одним из первых «гениев» Поволжья и «гением» России вообще, в том числе и «гением» концепции русского пространства, которая была очень важна для их же национальной и художественной самостоятельности.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010